

— ИЗ РЕПОРТАЖЕЙ нашего специального корреспондента, из отзывов центральной прессы мы знаем, что Москва приняла вас радушно и с большим интересом. Это подтвердили и московские критики, побывавшие на днях у вас на фестивале «Айтматов и театр». Как вы сами оцениваете эти гастроли? Чем объясните тот факт, что жарким московским летом на спектакли неизвестного в общем-то столеца театра было так трудно попасть?

— Это трудно объяснить. Видимо, привлек прежде всего наш репертуар: об удачном подборе репертуара нам говорили абсолютно все критики. Надо сказать и о том, что мы уделили достаточно внимание рекламе, и на первом спектакле «Кольма» весь полупуторатский зал МХАТа на Тверском бульваре был заполнен до отказа. Кроме того, интересная среда, довольно тесная. Несмотря на то, что страна у нас большая, в этой среде всем в общем-то известно, что, где и как дается. Выступая на открытии наших гастролов, от имени правления Союза театралов делателей страны Марк Захаров говорил не просто общие слова, за его пожеланиями успеха было определенное знание того, чем живет наш театр. Видимо, то, что делается у нас, сейчас привлекало театралов, а первые спектакли этот интерес укрепили, хотя мы увидели на «Кольме» весь цвѣт столичной критики, перепугались и сыграли спектакль ниже своих возможностей.

Если оценивать московские гастроли, то мы ими, конечно, удовлетворены. И не только потому, что имели успех у публики. Мы привезли в Москву гораздо больше спектаклей, чем это делают обычно другие театры. Не все они одинаково понравились, но все спрашивали «лишний билетик», но мы все равно смогли проверить на высшем театральном зрителе, смогли сверить, так сказать, свой курс. Я уж не говорю об очень доброжелательном, но в то же время очень серьезном разборе нашей работы, сделанном театроведами Москвы.

Безусловными лидерами у московских зрителей были «Плаха» (мы заранее объявили, что в этом спектакле, премьере которого не без риска назвали на гастрольный наряд с русскими играми и киргизские актеры) и «Кольма», хотя последняя и вызвала, несколько неожиданно для нас, немало нареканий критики. Мы очень сомневались, стоило ли везти в Москву «Диктатуру совети» М. Шатрова: ведь если «Плаха» в московском «Современнике» оказалась не очень удачной, то «Диктатура совети» у Захарова в Театре имени Ленинского комсомола — спектакль просто блестящий. И все-таки мы повезли свою «Диктатуру». Играл ее в будни, в дневное время, а зал был буквально забит зрителями. Спектакль получил единодушно высокую оценку и публики, и критики. Единственное, в чем нас упрекали, что мы играли его в Москве всего один раз.

Наибольший же успех у театралов имели спектакли не самые броские, не самые эффектные, но которые мы коже у себя очень ценим — «Старый дом» и «Смотрите, кто пришел». Нам говорили, что как раз в этих

спектаклях проявляются какая-то особая индивидуальность нашего театра, уровень труппы. Поиски путей сегодняшнего продолжения традиций русского психологического театра со всеми его элементами — созданием определенной атмосферы, сложной психологической разработкой ролей и так далее — все это вызвало массу добрых слов со стороны московской критики.

Пользуясь случаем, хотел бы обратить внимание французцев на эти спектакли. Мне кажется, что «Старый дом» и «Смотрите, кто пришел» увидены далеко не всеми, кто мог бы их посмотреть и кто штурмует наш

вообще есть такое в психологии провинциала: двое видится худшим, нежели чужое. Так что оценки Москвы, которая, как известно, слезам не верит, заметно подняли наш творческий тонус, заставили поверить в свои силы, чтобы работать дальше.

— Судя по обилию премьер, которые уже софголись и которые еще предстоят, этот тонус не потеряли совсем далеко, наверное, за всю историю Русской драмы гастролью во Владивостоке и Петропавловске-Камчатском...

— Да, из Москвы мы вынули через всю страну и, несмотря на огромные расстояния и связанные с ними ог-

ВОТ НОВЫЙ ПОВОРОТ

Спектаклем по роману Чингиза Айтматова «Плаха» открыл свой очередной, 54-й сезон Русский драматический театр имени Н. К. Крупской. Так уже повелось, что в начале каждого сезона художественный руководитель театра Владислав ПАЗИ отчитывается перед нашими читателями о сделанном, делится планами на будущее. На этот раз первый вопрос, заданный ему корреспондентом «Советской Киргизии», касался московских гастролов Русской драмы.

театр, когда мы играем «Кольму» или «Звезды на утреннем небе». Конечно, это не так броско и эффектно, но, как говорили нам все в Москве, это достаточно глубоко...

— Словом, московские гастролью подтвердили, что и возражающий интерес французцев в Русской драме вполне закономерен. Хотя называя взаимоотношения театра и города идеальными было бы явно преждевременным: как говорится, нет пророка в своем отечестве. В этом смысле гастроль в Москве были, наверное, полезны не только, скажем, методологически, но и в плане творческого самоочищения труппы.

Что-то я расхвастался, и тем не менее для нас было очень важно и приятно, что Москва признала: у нас интересная, разнообразная, богатая яркими актерскими индивидуальностями труппа. Видите ли, города привыкают к своим актерам, да и

ромные траты, вернулись, можно сказать, на кове.

Сезон открыли «Прахой», которую впервые показали французцам в дни всесоюзного фестиваля «Айтматов и театр».

Так называемая тюзюская группа, образовавшаяся в нашем театре весной с приходом десяти выпускников театральных вузов страны, показала веселый музыкальный спектакль по пьесе Астрид Линдгрен «Пепи Длиннычулок». Его поставила молодой режиссер Эльвира Ибрагимова.

Еще одна премьера состоялась на Малой сцене — приглашенный из Ленинграда молодой режиссер Александр Веселов поставил с актерами Марией Жуковой и Игорем Антовым в другом составе готовится выйти на сцену Людмила Пыхова и Павел Мясников) спектакль по пьесе А. Станцирко «Четыре допроса». В нем, как и в «Кольме», идет

речь о сталинизме, но если в «Кольме» мы пытались разглядеть сталинизм как явление масштабное, коверкающее тело и душу страны, то в «Четырех допросах» исследование идет на уровне личности. Причем постановщику и актерам важно было увидеть, как система уродовала не только жертв, но и палачей, как все тут взаимосвязано...

Тот же Веселов поставил спектакль «Звѣрь» по пьесе М. Гиндина и В. Синявского, которую сами авторы назвали фантастической драмой. Не буду пересказывать весьма острый сюжет этой необычной вещи, но в спектакле театр опять же волновала прежде всего человеческая личность, ее внутренни мир.

Идет работа над еще двумя спектаклями. Я ставлю «Точку зрения» В. Шукшина — произведение, как ни странно, малоизвестное, но очень интересное. Вообще творчество Шукшина и концу его жизни претерпело удивительные изменения. Ощущение абсурда жизни, так свойственное писателю в последние годы, привело его к необычным, новым художественным формам. Вспомни, что эти годы жизни пришлось на апогей, если тут уместно это слово, аэтия, на апогей, безусловно, абсурдного времени. Тогда и родились такие его произведения, как «А поутру они проснулись...», «До третьих петухов», «Точка зрения» — из их числа. Возможно, мы назовем спектакль «Шукшинада». Сюжет пересказывать невозможно, скажу только, что там действительно сталкиваются разные точки зрения на нашу жизнь — от самой пессимистической до неудержимо оптимистической.

Тем временем режиссер Владимир Иванов, известный французцам, в частности, по спектаклю «Любовь, джиз и черт», приступил к постановке пьесы литовского драматурга Ю. Монтвилы «Страстное желание». Тема пьесы — жизнь и смерть в судьбе каждого человека.

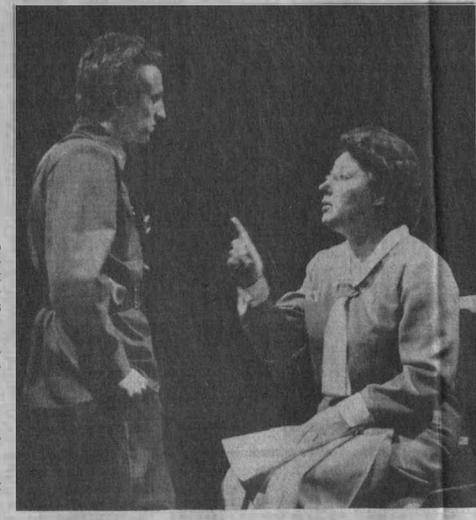
— Два года назад вы говорили о намерении резко поднять уровень репертуара, что и осуществилось: Русская драма смогла устоять перед соблазнами синонимитного успеха, не стремилась потащить неизысканные влусам, а брала и постановку в основном высокохудожественные произведения. Интерес к себе, пусть не такой шумный, какой могли бы дать сугубо коммерческие вещи, театр возбуждал обращением к болеем точкам современности, к острым социальным вопросам. Теперь, судя по всему, в репертуарной политике намечился некий поворот, что и понятно: в постановке социальных вопросов театру вряд ли стоит соперничать с прессой.

— Ставка на настоящую, достойную литературу остается прежней, а поворот действительно есть. Если, скажем, «Кольма», «Диктатура совети» — это были спектакли остропублицистические, то «Плаха», как мне представляется, — это спектакль больше философский. И в последующих спектаклях мы тоже отходим от публицистики, стремимся художественными средствами исследовать движения человеческой души, а также вести разговор о том, что все-таки со всеми нами происходит, когда мы идущу эту терреду...

— Театр и город — как разрешается эта проблема? Понимаете, были даже сомнения, нужен ли театр городу...

— Теперь таких сомнений нет. У театра появился свой зритель — студенты и преподаватели, ученые и архитекторы, медики и торговые работники. Нас радует, что мы все чаще видим в зале работников партийных комитетов, советских органов — это поднимает авторитет театра. Однако нельзя сказать, что мы уже схватили бога за бороду. Очень прохладно относятся к нам в рабочих коллективах. Вануодущих даже тогда, когда мы предлагаем спектакли, на которые нам совсем не надо распространять билеты, — у нас на их очередь. Наверное, в чем-то мы недоработали, но очень трудно преодолеть потребительское отношение к искусству вообще и к театру в частности: «сделайте работу, сделайте искусство». А ведь постижение искусства — это работа; приятная, интересная, увлекательная — но работа души.

В этом смысле мы больше надежды возлагаем на подрастающего зрителя: воспитывать куда легче, чем переиспытывать. Учитывая, что в городе нет театра, предложим создать в нашем театре тюзюскую группу. Нас поддержали, выделили средства, ставки, обещали квартиры. Выпущен первый спектакль, но группа эта на грани развала. Несмотря на обещания, которые давали нам, и которые, соответственно, давали мы молодым специалистам, приглашая их во Фрунзе, эти специалисты оказались по существу, на улице. Кто-то мы смогли устроить в гостиницах, за что несем немалые расходы, а одна актерская семья с ребенком и еще несколько актеров живут... в примерных. Вот вам еще один стрих к теме «театр и город». Чем кончится это, просто не знаю. Ребята имеют все основания повернуться и уехать куда-то в отдаленные культуры, перестав действовать пресловутый «остаточный принцип».

Сцена из спектакля «Четыре допроса», артисты М. Жукова и И. Антово